

ДВЕ ПРОГРАММЫ ПУШКИНСКОГО «СОВРЕМЕННОКА»

П. РЕЙФМАН

Под занавес, и мой вклад (может быть, не слишком удачный) в библиографию Пушкинского кабинета.

Автор.

В середине апреля 1836 г. вышел первый том пушкинского «Современника» со статьей Гоголя «О движении журнальной литературы...». Она была в значительной степени литературно-критической программой нового журнала и так воспринималась читателями. Так она рассматривалась в известной мере самим Пушкиным. В начале апреля он распорядился снять в оглавлении имя Гоголя, превращая неподписанную статью как бы в редакционную и беря на себя за нее ответственность (8. 129)*. Многие решили, что статья написана Пушкиным. Пушкин заказал ее Гоголю. «По совету и настоянию Пушкина Гоголь вносит ряд поправок и изменений в свой текст» (8. 95). Статья была острой, резкой, но хотя Пушкин, начиная издание журнала, вовсе «не стремился к обострению журнальной полемики <...>, но статью Гоголя Пушкин оценил по достоинству и принял ее в первый номер, посоветовав автору смягчить наиболее резкие выражения» (8. 95).

Осенью того же года, в третьем томе «Современника», появилось «Письмо к издателю» А. Б., якобы присланное

*Сноски и ссылки даются в тексте, в скобках. Первая цифра, отделяемая от остальных точкой, обозначает номер по списку литературы, приведенному в конце статьи. Следующие — страницы, между которыми стоят запятые. При необходимости указать том, он обозначается за номером. Одновременные отсылки к разным источникам и пособиям отделяются точкой с запятой. Вместо «и другие» ставится многоточие.

одним из читателей, на самом деле написанное Пушкиным и содержавшее полемику с рядом положений статьи Гоголя. Содержание «Письма к издателю» обычно объясняется исследователями тактическими соображениями, нежеланием Пушкина вступать в спор с другими журналами (4. 768). Как тактический ход рассматривает статью М. И. Гиллельсон, называя ее одновременно «наиболее "темным" эпизодом журнальной полемики, связанной с пушкинским "Современником"» (11. 10). Чем-то частным, сравнительно важным, но не имеющим отношения к программным установкам, считает «Письмо к издателю» Е. Г. Эткинд (15. 198). Мимоходом упоминает о нем С. Л. Абрамович: «Эта мистификация позволила Пушкину откликнуться на журнальную полемику как бы с точки зрения простодушного рядового читателя» (8. 254).

Тактические соображения были у Пушкина на самом деле, но смысл «Письма к издателю» ими не ограничивался. В нем шла речь о важных для Пушкина проблемах. По сути оно являлось тоже программным, но затрагивающим иные вопросы.

Отмечая общее неблагополучие современной журналистики, наибольшее внимание Гоголь уделял «Библиотеке для чтения». Основной пафос его статьи — резкая и развернутая критика журнала Сенковского, а по сути дела — всего так называемого «торгового направления» в литературе.

Резкость статьи, помимо прочего, определялась и раздражением Гоголя, вызванным издевательской рецензией Сенковского на «Арабески» (7. 8—14), которое наиболее отчетливо заметно в черновике (4. 524—525, 528). Но смысл гоголевского выступления определялся не этим, а задачами принципиальной борьбы с реакционным «журнальным триумvirатом», наиболее влиятельным изданием которого была в то время «Библиотека...». По ней и наносился главный удар.

Такая направленность объясняла характеристику остальных журналов с точки зрения их отношения к «Библиотеке». Осуждаются ее союзники, «Сын отечества», «Северная пчела». Отрицательная оценка дается «Московскому телеграфу». Более снисходителен Гоголь к тем, кто пытается, хотя и безуспешно, бороться с «Библиотекой...». Иронически, но не враждебно он отзывается о «Литературных прибавлениях к Русскому

инвалиду», не без сочувствия относится к статьям «Телескопа», осуждавшим «Библиотеку...». Отмечается, что «Телескоп» действовал против «Библиотеки...», «но действовал слабо, без постоянства, терпения и необходимого хладнокровия» (4. 165).

Пожалуй, наиболее положительно оценивается позиция «Московского наблюдателя», его борьба с «Библиотекой...». Но и она оказалась безуспешной, так как редактор «Наблюдателя» «не начертил для себя вовсе ника<ко>го обдуманного плана действий» (4. 529) и после первых неудачных попыток он замолчал.

В то же время, не во всем принимая статью С. П. Шевырева «Словесность и торговля», считая, что она не повлияла на читателей, Гоголь отмечает «благородный порыв негодования» автора, находит, что изредка в «Наблюдателе» появлялись «замечательные статьи», которые «были похожи на оазисы» (4. 169, 168). Хвалит он и стихотворения Баратынского, Языкова, публиковавшиеся в «Наблюдателе».

В целом же современная критика, с точки зрения Гоголя, очень слаба, ее попытки подорвать монополию «Библиотеки» несостоятельны. Противники «Библиотеки» не приняли в соображение, что она «имела около пяти тысяч подписчиков», что мнение ее доносилось до таких мест, где даже не знали о существовании журналов, пытавшихся с нею бороться (4. 165). И все же Гоголь не теряет надежды. Он верит, что в наступающем году появятся новые издания и монополия «Библиотеки» окажется уничтоженной.

Значение статьи Гоголя не ограничивалось борьбой с «журнальным триумvirатом», с изданиями, ему подобными. В ней ставилась задача создания журналов четко выраженного направления, единой идеи, редактируемых «видными лицами», сознающими принципы, которыми они руководствуются, способными осуществить их. Содержание «Современника», начиная с 1-го тома, должно было демонстрировать воплощение поставленной задачи (15. 198 — 199).

Но прежде, чем говорить о дальнейшем, следует сказать несколько слов об отношениях Гоголя и Пушкина с сотрудниками «Московского наблюдателя». Этот журнал претендовал на некую элитарность, светскость, на то, чтобы противопоставить низкопробной торговой литературе

произведения, рассчитанные на сравнительно узкий круг знатоков. Как мы старались показать, Гоголь оценивает «Наблюдатель» не слишком высоко. В то же время он близок с его сотрудниками (с Погодиным они на "ты"), приветствует появление журнала, обещает всяческую помощь, хотя иногда и раздражен действиями редакции (10. 228, 232, 234, 263, 334, 337).

Сложнее обстояло дело с Пушкиным. Пушкин давно знаком с Погодиным и Шевыревым. Отношения между ними отнюдь не враждебные, но не перешедшие в дружбу (в довольно многочисленных письмах к Погодину Пушкин именует его «Милостивый государь Михайло Петрович» — 1. 16. 24, 103. . .). В начале марта 1836 г. редактор «Наблюдателя», В. П. Андросов, советует А. А. Краевскому не слишком надеяться на «Современник». В мае он же высказывает обиду из-за того, что Пушкин не прислал ему 1-го тома своего журнала (8, 104, 219).

Во время поездки в Москву в мае 1836 г. Пушкин пытается привлечь Наблюдателей к сотрудничеству в «Современнике», но без особого успеха (1. 16. 103, 111, 114, 116. . .). Знаменательно, что в одном из писем жене Пушкин упоминает Нащокина, называющего Наблюдателей *les treize* (Тринадцать). Имеется в виду название бальзаковского романа «История тринадцати», в котором идет речь о компании (чтобы не сказать шайке) светских людей, безнравственных, циничных, совершающих поступки, часто граничащие с преступлениями. Название, данное Нащокиным Наблюдателям, не вызывает протеста Пушкина. Он сообщает о нем как бы даже с некоторым удовольствием (1. 16. 111).

Напомним о публикации в конце 1835 г. в «Московском наблюдателе» пушкинского стихотворения «На выздоровление Лукулла» — едкого памфлета, направленного против министра просвещения С. С. Уварова. К этому времени Пушкин и Уваров — непримиримые враги. Уже весной 1835 г., в черновике письма А. Х. Бенкендорфу, ходатайствуя о назначении цензора из III отделения, вместо обычного, Пушкин мотивирует свою просьбу тем, что он «Емел несчастье навлечь на себя неприязнь г. министра народного просвещения» (1. 16. 29, 370). Само разрешение издавать «Современник» получено Пушкиным через Бенкендорфа, помимо Уварова, который был просто уведомлен о решении царя (8. 23).

Редакция «Наблюдателя» публикует стихотворение, не подозревая об его истинном смысле. «Лукулл» вызвал громкий скандал (10. 271 — 272; 8. 28 — 30. . .). Пикантность ситуации усугублялась тем, что Погодин и Шевырев, ведущие сотрудники «Наблюдателя», были с Уваровым в наилучших отношениях. Позднее, во времена «Москвитянина», в 1840-е гг., они стали активнейшими пропагандистами теории «официальной народности», сформулированной Уваровым. Но и к середине 1830-х гг. контуры их будущей позиции в достаточной степени определились.

Не останавливаясь на скандале, вызванном публикацией «Лукулла», выскажем одно сомнение: так ли был Пушкин «без вины виноватым», отправляя «Лукулла» именно в «Наблюдатель», журнал проуваровской ориентации. Вряд ли история с «Лукуллом» прибавила симпатий Наблюдателям к Пушкину. Они были потрясены случившимся. Денис Давыдов писал: «Я знаю, что *Наблюдатель* охает» (10. 272).

Знаменательно, что несколько позднее редакция «Московского наблюдателя» не захотела напечатать статью В. Ф. Одоевского в защиту «Современника». Шевырев, которому была послана статья, долго тянул с ответом, а затем, после настоятельного напоминания, вернул ее автору (8. 366 — 367, 407, 489). С. Л. Абрамович считает, что, в связи с чаадаевской историей, издатели «Московского наблюдателя» «не решились дать ей ход» (8. 367). Но, вероятно, дело было не только в таких опасениях.

Для понимания отношений Пушкина и Наблюдателей важна и заметка об «Истории поэзии» Шевырева. Пушкин работает над ней в начале 1836 г., собирается, вероятно, печатать ее в «Современнике, но по каким-то причинам не заканчивает и не печатает. Между «Лукуллом» и заметкой об «Истории поэзии» Шевырева была связь, зафиксированная некоторыми исследователями, но объясняемая, по нашему мнению, неверно. В целом же значение заметки явно недооценивается, она рассматривается как благоприятный отзыв о Шевыреве. В комментариях даются только даты ее создания, публикации, отмечается, что в ней «Пушкин излагает содержание первой главы книги» (2. 7. 709).

Н. П. Барсуков, сообщая об «Истории поэзии», пишет: «Книга эта чрезвычайно заинтересовала Пушкина». Он напоминает о пушкинской заметке, тоже истолковывая ее

как похвалу Шевыреву, подробно цитирует ее и выражает сожаление, что она не попала в печать (10. 355).

Не придает особого значения пушкинской заметке и Абрамович: она приводит письма Шевыреву, где идет речь о работе Пушкина над заметкой, указывает, что та, видимо, предназначалась для публикации в «Современнике»: «поэт, готовя эту рецензию, стремился заглазить свой невольный грех перед редакцией "Московского наблюдателя", к которой, после публикации "Лукулла", цензура стала проявлять особенно придирчивое внимание» (8. 50).

Между тем «История поэзии» вполне заслуживает того, чтобы на ней, в связи с заметкой Пушкина, остановиться подробнее. Книга Шевырева вышла в самом начале 1836 г. (цензурное разрешение дано в конце 1835 г.). Она состояла из 11 чтений, ориентированных на студенческую аудиторию, содержала обзор древне-индийской и древне-еврейской (библейской) поэзии. Но в двух чтениях, помещенных в начале книги, называемых вступительными, Шевырев давал общую характеристику образования и поэзии «главных народов новой Западной Европы». Видимо, первое чтение являлось изложением лекции, открывавшей курс Шевырева в Московском университете, о которой говорит Барсуков: «о характере образования главнейших новых народов Западной Европы» (10. 184).

Шевырев подчеркивал историчность своего метода: «Изучение мое есть чисто-историческое, в соединении с философским воззрением» (6. I). По мнению Шевырева, в его методе сочетаются умозрительное и эмпирическое; философия должна стать душой, история — телом (6. 3). Но уже с самого начала проявлялось недоверие Шевырева к умозрительной теоретичности и иностранной учености. Он призывал юных слушателей к положительному изучению, «не довольствуясь чужими суждениями и не доверяя умозрительным теориям» (6. II).

Антизападнические воззрения Шевырева, характерные для него в 1840-е гг., в «Истории поэзии» еще четко не обозначены; об Европе, ее истории, науке, поэзии говорится с уважением. Шевырев отмечает, что в своем труде он использовал материалы исследований европейских ученых. В сущности, «История поэзии» — компиляция из такого рода материалов. Но уже во вступлении заявляется, что автор главным образом надеялся на собственные силы и средства.

Для книги характерен антифранцузский пафос. Со-чувственно отмечая труды немецких ученых, Шевырев явно не одобряет исследователей французских. Он гово-рит об односторонности французского подхода к изуче-нию словесности: «мы не можем посредством его оце-нить произведения в его внутреннем эстетическом до-стоинстве <так. — П. Р.>; ибо Поэзию видим не сво-бодным искусством, а служащим свету, входящим в его цели, интриги, крайности»; «здесь мысль всегда запутана в отношениях общественных <...> всегда жертва обще-ства» (6. 6—7).

Мимоходом Шевырев делает выпад и в адрес совре-менной французской литературы: она даже хуже фран-цузского общества, которое все же еще не достигло «до крайней степени разврата и изнеможения» и лучше его литературного изображения; если бы французы судили о себе по литературе, какое бы «ужасное и отчаянное заключение должны были они вывести о современном обществе своего отечества!» (6. 7).

Опыт Запада, по мнению Шевырева, должен предохра-нить Россию от заблуждений: «да послужит нам уроком; да внушит нам мудрую умеренность, трудолюбивое тер-пение и разумное избрание»; «Сим средством наконец избегнем и пагубных искушений к предприятиям невоз-можным» (6. 4).

Изучение европейской литературы, по Шевыреву, по-лезно и в том плане, что позволяет понять причины явле-ний, «у нас совершенно не имеющих корня» (с таких по-зиций он позднее анализировал «Героя нашего времени» и поэзию Лермонтова). В то же время Шевырев утвер-ждает, что будущее русской словесности «может быть разумно обеспечено от подражательности, всегда ни к чему не приводящей»; «ничего нет вреднее как чужая опытность» (6. 10—11).

Высказывается надежда, что со временем русские опе-редят европейцев, так как чуждаются всякого односторон-него направления: «В их ветхой опытности заключается, может быть, и богатство их и немощь; в нашей молодой свежести — наша нищета и надежда» (6. 11).

Далее идет краткий обзор образования стран Европы. Италия, по словам Шевырева, вышла из античного языче-ства, «из тучного мира древности; в ней истлел этот колос-сальный, роскошный, великолепный труп древнего Рима»,

который пал под ударами варваров и под гнетом своей собственной чувственности. Но сохранились остатки «от этого пира пресыщенной чувственности» (6. 14—15).

С появлением христианства в Италии направление *религиозное* подчинило себе направление художественное, чувственное, характерное для античности (6. 17). Религия дала душу искусству. Но позднее западная католическая религия, ранее противодействующая чувственности, подчинилась ее влиянию, которое воплотилось в новом прельстительном виде служителя (религии. — П. Р.) — художника. Таким образом направление *религиозное* перешло в *художественное*, вновь обратившееся к чувственности, впадшее «в дремоту бездействия, в бессилие изнеженности» (6. 18).

По-иному дело происходило в Испании. Она, вместе с европейским, христианским, приняла и восточную стихию, начало магометанское (6. 19). Арабский мир стал для нее тем, чем для Италии языческий. В ней навсегда сохранился арабский дух. Поэтому христианская религиозность в Испании превратилась в религиозный фанатизм, в инквизицию и т.п. «Религия христианская действовала не водою оживляющею, а огнем мертвящим» (6. 20). И рыцарство здесь стало фанатизмом. Все это определило художественное направление Испании, связанное тоже с арабским началом (6. 23).

«Не так счастливы народы Севера, вскормленные под туманами и снегами, эти сыны нужды и труда, эти пасынки суровой природы» (6. 24). В Англии — нужда, труд, практическое, промышленное направление никогда не давали процветать художественной деятельности, религия здесь никогда не сочеталась с искусствами (6. 26—27).

Германия, с ее феодальной разрозненностью, «воспитанная в диких и туманных лесах своих», обратилась к жизни внутренней, замкнутой. Она всегда стремилась к «тайному отвлеченному началу» (6. 27, 28, 30).

Франция, находясь в центре Европы, «призвана была служить каким-то средоточием в духовном образовании стран западной Европы». Во всех периодах развития в ней преобладали общественные направления, основанные «на глубоком чувстве его (народа. — П. Р.) национального эгоизма»; отсюда «чувство исключительности <...> оскорбительное для всех других наций, чувство враждебное человеческому совершенствованию», «крайности эго-

изма национального» (6. 31—35). Кроме того, по мнению Шевырева, на Франции лежит «неизгладимое пятно»: она первая употребила западную религию для своих политических видов. Все это отразилось на французской литературе, где «Поэты — рабские услужники современного вкуса, испорченного развратом и пресыщением» (6. 34).

Как видно из вышесказанного, Франции достается больше всех, но и к Италии, Испании, Англии Шевырев не особенно благосклонен, осуждая их то за языческую чувственность, то за арабские тенденции и фанатизм, за католицизм, безразличие к искусству и пр.

Как бы подводя итоги рассуждениям о Франции и вообще об Европе, упоминая о 1812 году, Шевырев переходит к вопросу о России. Франция, по его словам, хотела наложить иго своей национальности на все народы и превратить весь мир человеческий в себя. «Но какая страна своими снегами и своим оружием, охладила и пресекла это стремление, и, младшая из всех, была всех великодушнее и избрала девизом: *всякому свое*» (6. 35). Заканчивая первое чтение, Шевырев выражает уверенность, что плоды европейской образованности «может соединить в себе разумным избранием только страна свежая, молодая, сильная», которая мало участвовала в жизни Европы, не приняла ее одностороннего направления, т.е. Россия (6. 35).

Но вернемся к заметке Пушкина. Как уже упоминалось, она не закончена. Ряд слов дан в сокращении, многие положения не развернуты, намечены пунктирно. Все это делает весьма сомнительными какие-либо определенные суждения о заметке. Тем не менее, особенно в контексте других пушкинских материалов, имеются основания для некоторых выводов о рецензии на «Историю поэзии». Из всей довольно толстой книги (333 стр.) Пушкин останавливается лишь на первом чтении (36 стр.), никак этого не оговаривая. Может создаться впечатление, что речь идет обо всей книге, которая, видимо, не интересует рецензента; его внимание привлекает только то, что дает понятие об общей концепции Шевырева.

Первая фраза заметки, на первый взгляд, явно комплиментарная. Complimentарность смысла еще более усиливается восклицательным знаком, вроде бы не нужным, поставленным не совсем кстати, не обусловленным дальнейшим содержанием: «*Ист<ория> поэзии явление*

утешительное, книга важная!» (1. 12. 65). Сама акцентированность похвалы заставляет насторожиться, однако сомневаться в ее искренности еще нет оснований.

В следующем абзаце такие основания появляются. Пушкин забывает на время о Шевыреве и дает явно ироническую оценку критических высказываний русских об Европе. Начало абзаца, его первая фраза написана еще вроде бы в серьезном тоне. В конце же, начиная с французских слов, ирония звучит совершенно отчетливо: «Россия по своему положению, географич.<ескому>, политич.<ескому> etc. есть судилище, приказ Европы. — Nous sommes les grands juges. Беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас, удивительны — примеры тому» (1. 12. 65). Кстати, слова о «географическом, политическом etc.» положении России, как и встречающиеся позднее: «Франция, *средоточие Европы*», вероятно, пародия на аналогичные слова Шевырева о положении Франции, цитируемые выше.

Далее по логике вещей должны бы следовать примеры, подтверждающие мысль Пушкина, но примеров нет. Вместо них начинается новый абзац, к Шевыреву прямого отношения не имеющий, но смыкающийся с ироническим звучанием слов предыдущего абзаца о «здравом смысле наших суждений»: «Критика литературная у нас ничтожна: почему? потому, что в ней требуется не одного здравого смысла, но и любви и науки» (1. 12. 65). Затем, после слов «Взгляд на нашу критику», Пушкин называет ряд имен разного плана (два — критиков архаической ориентации, третье — карамзиниста, активного участника «Арзамаса»): «—Мерзляков—Шишков—Дашков—etc.» (1. 12. 65), и только после этого возвращается к Шевыреву.

Если бы похвалы «Истории поэзии» были серьезными, то Пушкин должен был бы здесь противопоставить ее той ничтожной критике, удивительным примерам странных суждений об Европе, о которых шла речь в начале заметки. Но он и не думает делать этого, а просто переходит к изложению содержания книги, с ее вступлением. Тон рассказа об «Истории поэзии» подчеркнуто объективный, без малейшего намека на отношение рецензента к ней: «Шевыр.<ев> при самом вступлении своем обещает не следовать ни эмпирич.<еской> сист.<еме> франц.<узско>й кр.<итик>и, ни отвлеченной филос.<офии> немцев (Стр. <6—11>). Он изби-

рает способ изложения историч.<еск>ий — и поделом: таким образом придает он науке заманчивость рассказа» (1. 12. 65). Лишь одно словечко, «поделом», т.е. «справедливо», «так и нужно» имеет какой-то оценочный оттенок, не то похвалы, не то насмешки. Напомним, что Шевырев особенно напирал на независимость и самостоятельность своих суждений.

Далее у Пушкина идет изложение основных положений книги. Именно эта часть производит впечатление наиболее законченной: «В Италии видит он чувственность римскую, побежденную христианством — обретающую покровительство религии — воскресшую в художествах, покорившую своему роскошн.<ому> влиянию строгий кафолицизм и снова овладевшую своей отчизною.

В Испании признает он то же начало — но встречает мавров и видит в ней магометанское направление (?).

Оставляя роскошный юг, Ш<евырев> переходит к северным народам, рабам нужды, пасынкам природы.

В туманной Англии видит он нужду, развивающую богатство — промышленность, труд, изучение — литературу без преданий etc., вещественность. <...> Франция, *sреготочие Европы*, представительница жизни общественной, жизни всё вместе эгоистической и народной. В ней наука и поэзия — не цели, а средства. Народ (*der Herr Omnis*) властвует со всей отвратительной властью демократии. — В нем все признаки невежества: презрение к чужому, *une morgue pétulante et tranchante* etc.

Девиз России: *Suum cuique*» (1. 12. 65—66).

Знаменательно, что, по словам Пушкина, Шевырев считает первым признаком невежества французского народа его «презрение к чужому» (1. 12. 66). Но ведь это презрение пронизывало книгу самого Шевырева и было достаточно ясно отражено в изложении Пушкина.

Думается, пушкинский пересказ Шевырева — тонкая ирония, довольно умело замаскированная. Передавая содержание «Истории поэзии», Пушкин пародирует и концепцию, и стиль книги, антизападнические и антикатолические тенденции автора, претенциозность и манерность, категоричность, назидательность и самоуверенность, позднее высмеянные Белинским в «Педанте». Свою оценку излагаемого Пушкин передает то вопросительным знаком, поставленным в скобках, то шевыревским эпитетом «роскошный», то словосочетанием — реминисценцией («рабы

нужды, пасынки природы» — у Шевырева «сыны нужды и труда, эти пасынки суровой природы»), то корявым словосочетанием, имитирующим язык книги («жизни всё вместе эгоистической и народной»), то курсивом («*средоточием Европы*»), то обилием etc., но, в первую очередь, умелым подбором приводимого текста. Такой прием был характерен, между прочим, и для Белинского, умевшего, не выражая прямо своего мнения, одним пересказом (иногда иронически-восхищенным) и цитированием, совершенно уничтожить противника.

Замаскировав иронию, Пушкин, видимо, все же опасался, что она будет понята, и, чтобы избежать нового конфликта с Наблюдателями, не закончил и не напечатал статьи. Но к мыслям, определившим ход ее создания, он обращается в рецензии «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной...», напечатанной в 3-м томе «Современника». Исследователи считают ее одним из лучших литературно-критических выступлений Пушкина (8. 254 — 255).

Как и в случае с «Письмом к издателю», о чем пойдет речь ниже, Пушкин заранее готовит читателей к восприятию своей рецензии. В статье «Российская академия» («Современник». Том 2-й), упомянув о Лобанове, Пушкин обещает поговорить об его «Мнении...» подробнее: «Мнение сие заслуживает особенного разбора, как по своей сущности, так и по важности места, где оно было произнесено» (1. 12. 45). Отметим, между прочим, что такая предварительная подготовка встречается часто и у Белинского, особенно, когда речь идет о будущих важных, программных выступлениях.

Статья о «Мнении...» Лобанова построена иначе, чем отзыв об «Истории поэзии». Пушкин не маскирует своего отношения к «Мнению...», несогласия с его автором. Но было и нечто общее в рассматриваемых статьях. Пушкин как бы дает слово самим Шевыреву и Лобанову, в одном случае путем близкого к стилю текста пересказа, в другом — подробного цитирования.

Резко нападая на романтизм, обвиняя его в проповеди безнравственности, в изображении грязных, мерзких сцен, Лобанов осуждал современную французскую литературу, по существу — все французское. «Для Франции, — пишет г. Лобанов, — для народов, отуманенных гибельною для человечества новейшею философией, огрубе-

лых в кровавых явлениях революций и упавших в омут душевного и умственного разврата, самые отвратительнейшие зрелища <...> не кажутся им таковыми» (1. 12. 68).

Лобанов доказывал, что тлетворное французское влияние пагубно отражается и на русской литературе. Он призывал цензуру быть более строгой, а академию — взять на себя часть цензурных обязанностей.

Пушкин решительно опровергал по всем пунктам доводы Лобанова. По поводу нападок на Францию он вопрошал: «Спрашиваю: можно ли на целый народ изрекать такую страшную анафему?» (1. 12. 69). Он утверждал, что народ не может отвечать за произведения нескольких молодых писателей, даже если они употребляют во зло свои таланты. Да и само зло, по мнению Пушкина, Лобановым явно преувеличено: «мы не думаем, чтоб нынешние писатели представляли разбойников и палачей в образец для подражания <...> Зачем же и в нынешних писателях видеть преступные замыслы <...>?» (1. 12. 69. Курсив Пушкина).

Знаменательно, что Белинский, несколько ранее Пушкина, в статье «О критике и литературных мнениях "Московского наблюдателя"», по тому же поводу, почти в тех же словах, обвиняет Шевырева: «Мы не можем понять, как можно по одному примеру и по одному литератору делать такое невыгодное заключение о целой литературе и произносить ей такой грозный приговор?» (5. 2. 143).

Напомним, что появлению статей, содержащих нападки на современную французскую литературу, содействовал и Уваров (5. 2. 709), об отношении к которому Пушкина мы уже говорили. Отметим и другое. В начале 1830-х гг., в письме к Погодину, сам Пушкин резко критикует современную французскую литературу, говоря о желании высказать свое мнение публично. Но ведь в то время он и к Уварову, еще не ставшему министром, относился довольно благожелательно, как и Уваров к Пушкину (1. 14. 236; 15. 29, 32; 10. 81). Однако к середине 1830-х гг. кое-что изменилось. Тема «Франция и Россия», с отнюдь не антифранцузским акцентом, становится одной из важнейших тем «Современника» (15. 211—212).

Отвергает Пушкин и мнение Лобанова о гибельности «новейшей философии»: «Умствования великих европейских мыслителей не были тщетны и для нас. Теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более об-

ший, оказала более стремления к единству. Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и хотя говорили они языком мало понятным для непосвященных, но тем не менее их влияние было благотворно и час от часу становится более ощутительно» (1. 12. 72; 2. 7. 709). Комментаторы указывали, что Пушкин имеет здесь в виду так называемых любомудров (с ними связан и Шевырев), но во многом приведенные слова (особенно последние) могут относиться и к концепциям Надеждина, материалам, опубликованным в «Телескопе».

Характерно, что в данном вопросе Лобанов и Шевырев вновь оказываются единомышленниками. Шевырев, полемизируя с Надеждиным об «Истории поэзии», признавал, что он не охотник до логических построений, «особливо так называемых, которые вы переняли у Германии. Перед немецкой ученостью я благоговею, но страсть к логическим построениям не есть ее лучшая сторона». По этому поводу Белинский в статье «Вторая книжка "Современника"» иронически упоминал о журнале, который считает, что логика только вредит (5. 2. 237, 721).

Вряд ли можно утверждать, что отношение Пушкина к «Мнению...» Лобанова и к концепции Шевырева тождественно, но в чем-то оно сходно. В их враждебности к Франции, к ее литературе, в охранительном пафосе было много общего; отчетливо выраженная Пушкиным оценка «Мнения...» проясняет его замаскированную иронию по поводу книги Шевырева.

На «Историю поэзии» откликнулся в «Телескопе» Надеждин. Напомним, что Погодин, Шевырев, Надеждин, — коллеги, профессора Московского университета, друзья. Перед самым началом полемики, во второй половине 1835 г., Надеждин и Погодин вместе путешествуют по Европе (10. 101, 102, 108, 210, 329—330...). Статья Надеждина об «Истории поэзии» в целом не была резкой, но Шевырев обиделся, началась полемика (10. 355—357, 448; 5. 2. 723). Не вдаваясь в ее подробности, отметим, что Надеждин упрекал Шевырева за то, что он подходит к истории поэзии, как эмпирик, пренебрегая постижением законов ее развития.

Но главные расхождения, ссоры между Наблюдателями и Надеждиным, по словам Барсукова, возникли из-за Белинского, ставшего сотрудином «Телескопа» и не це-

ремонившегося с Наблюдателями (10. 354). Не следует забывать, что Белинский — бывший студент Московского университета, слушал лекции Шевырева, в частности, первую лекцию, видимо, ставшую основой для вступительных чтений «Истории поэзии» (5. 2. 283; 10. 184), хорошо знаком со студенческим мнением о нем. Барсуков рассказывает, как к середине 1830-х гг. это мнение, сперва весьма сочувственное, резко изменилось. Станкевич, довольно одобрительно отзывавшийся о Шевыреве, позже характеризует его так: «Шевырев обманул наши ожидания; он педант» (10. 350, 351, 185, 186). Белинский не мог не быть в курсе этих дел. Не случайно название его более поздней статьи о Шевыреве, «Педант», повторяет оценку, данную Станкевичем.

Белинский начинает борьбу с «Наблюдателем», с Шевыревым уже с весны 1835 г. Еще до появления статьи «О русской повести и повестях г. Гоголя», сообщая о выходе «Арабесок» и «Миргорода», он полемизирует с положениями Шевырева, высказанными в статье «Словесность и торговля». Белинский пишет о людях, приписывающих неудачу своих произведений «какому-то меркантильному направлению и торговым расчетам гг. авторов; по моему мнению, это странное явление можно всего естественнее и всего справедливее объяснить *бездарностью* гг. авторов: истинный талант не могут убить ни хорошая плата за заслуженные труды, ни резкая критика» (5. 1. 174).

В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» Белинский много раз спорит с Шевыревым, то называя его по имени, то намекая на него (5. 1. 280, 283, 292, 305, 307). Шевыреву и Погодину доставалось и в других статьях 1835 г. (5. 1. 312—313, 328, 362; 10. 354). Еще более резко оба оцениваются в 1836 г. В статье «Ничто о ничем...», обещая поговорить о «Наблюдателе» позднее, Белинский утверждает, что тот «нисколько не оправдал надежд»; из всех обещаний он выполнил лишь одно: «Со стороны своей благонамеренности "Наблюдатель" не изменил своей программе; но благонамеренность и талант или умение, к несчастию, не одно и то же!..» (5. 2. 46).

В следующем томе «Телескопа» была опубликована статья «О критике и литературных мнениях "Московского наблюдателя"», обещанная ранее. Белинский довольно подробно разбирает статью Шевырева «Словесность и торговля», оценки им «Миргорода» Гоголя, поэзии Бенедиктова, повестей Павлова, отзывы о Каратыгиных и

пр. С большинством из них Белинский решительно не согласен; проанализировав их, он приходит к выводу, что основная идея и цель «Московского наблюдателя» — «паркетность» (5. 2. 136): он «старается о распространении светскости в литературе», хочет «одеть нашу литературу в модный фрак и белые перчатки, ввести ее в гостиную и подчинить зависимости от дам» (5. 2. 176). Здесь же шла речь об оценке Шевыревым современной французской литературы, о чем говорилось выше.

Не обходит Белинский и «Историю поэзии». В статье «Опыт системы нравственной философии <...> Дроздова», он мимоходом отзывается о книге весьма иронически, имея в виду пренебрежение Шевырева к умозрению: «Недавно как-то в одном журнале отстаивали от жестких нападок здравого смысла плохенькую приятельскую книжонку <...> Вот что значит основываться на фактах без мысли! <...> Смешно и жалко!» (5. 2. 241—42, 723). Резкая оценка «Истории поэзии» содержится и в статье «Молвы» «Признаки мыслительности и жизни в Московском наблюдателе», которую Барсуков приписывает Белинскому: «тут еще нет мыслительного движения, тут, напротив, царствует горячее ожесточение против мысли» (10. 357; 5. 2. 712).

Любопытно, что враждебность к Белинскому отнесена на второй план борьбу Наблюдателей с «Библиотекой для чтения». Последняя публикует сочувственный отзыв на книгу Погодина «Начертание русской истории для гимназий», раскритикованную Белинским (10. 285; 4. 1. 312). Погодин помещает свои статьи «Период самозванца» и «Кто написал Несторову летопись?» в «Библиотеке...» (10. 289, 293).

Но вернемся к «Письму к издателю», напечатанному за подписью «А. Б. Тверь. 23 апреля 1836». Придавая, видимо, большое значение публикации этого письма, Пушкин известил о нем заранее: во 2-м томе «Современника» появилась редакционная заметка, в которой упоминалось о письме: «Статья, присланная нам из Твери с подписью А. Б., не могла быть напечатана в сей книжке по недостатку времени.

Мы получили также статью г. Косичкина. Но, к сожалению, и эта статья доставлена поздно, и мы, боясь замедлить выход этой книжки, отлагаем ее до следующей» (1. 12. 183).

Преуведомительная заметка, видимо, имела несколько задач: намекнуть на авторство Пушкина (упоминание его псевдонима *Косичкин*), предупредить Булгарина о возможности отпора в связи с его нападками на «Современник» (под псевдонимом *Косичкин* Пушкин выступал против Булгарина в начале 1830 г. в «Литературной газете»). Об этих задачах, о том, что «намеки оказались недостаточно ясными», говорится в примечаниях к заметке (2. 7. 717). Но имелись и другие задачи, да и неясность намека, видимо, была запланирована.

Суть редакционной заметки — обратить внимание на «Письмо к издателю», напечатанное в следующем томе. В то же время она придавала правдоподобие маске тверского корреспондента, делала его реальным и для читателей, и, возможно, для редакционного круга «Современника», в том числе и для Гоголя.

Само «Письмо к издателю» сопровождалось примечанием Пушкина, выступавшего на этот раз не под маской: «С удовольствием помещая здесь письмо г. А. Б., нахожусь в необходимости дать моим читателям некоторые объяснения. Статья *О движении журнальной литературы* напечатана в моем журнале, но из сего еще не следует, что все мнения, в ней выраженные с такою юношескою живостию и прямотою, были совершенно сходны с моими собственными. Во всяком случае, она не есть и не могла быть программой "Современника"» (1. 12. 98).

Последнее не совсем соответствовало действительности. Как уже указывалось, статья Гоголя была во многом программной. Но и «Письмо к издателю», довольно короткое, является тоже программой «Современника», чрезвычайно важной и принципиальной, существенно отличающейся и от положений, высказанных в статье «*О движении журнальной литературы*», и от точки зрения некоторых литераторов редакционного круга журнала. Пушкинская программа осталась неосуществленной, она относится к ряду замыслов, прерванных смертью поэта, но это не делает ее менее интересной и значимой.

Похвалив статью «*О движении журнальной литературы*», А. Б. все же полагает, что она не может считаться программной, «не соответствует тому, чего ожидали мы от направления, которое дано будет вами вашей критике» (1. 12. 94).

А.Б. находит неправомерным, что слишком уж много внимания в статье «О движении журнальной литературы» уделяется Сенковскому и «Библиотеке для чтения»: «По мнению вашему, вся наша словесность обращается около "Библиотеки для чтения". Все другие повременные издания рассмотрены только в отношении к ней» (1. 12. 94).

Не оспаривая общей оценки Сенковского, А. Б. не согласен с некоторыми упреками, высказанными в его адрес. Прежде всего это касается упрека в большем количестве подписчиков; остановившись на нем, А. Б. так его комментировал: «Что же касается до последнего пункта, т.е. до 5000 подписчиков, то позвольте мне изъявить искреннее желание, чтоб на следующий год могли вы заслужить точно такое же обвинение» (1. 12. 96).

Не согласен А. Б. с автором статьи «О движении журнальной литературы», когда тот упрекает Сенковского, что он «не всегда соблюдает тон важности и беспристрастия» (1. 12. 95). Характерно, что здесь А. Б. дважды обращается к понятию «требования публики»: «Публика требует отчета обо всем выходящем»; «Но если публика того требует непременно, зачем ей не угодить?» (1. 12. 95). Да и вообще слово «публика», как некий критерий оценки, употребляется в «Письме. . .» несколько раз.

В связи с этим следует остановиться еще на одном упреке А. Б. автору статьи «О движении журнальной литературы»: «Вы говорите, что в последнее время заметно было в публике равнодушие к поэзии и охота к романам, повестям и тому подобному» (1. 12. 97). Такое предпочтение, по мнению А. Б., вовсе не заслуживает осуждения: «Но поэзия не всегда ли есть наслаждение малого числа избранных, между тем как повести и романы читаются всеми и везде?» (1. 12. 98). И в данном случае, как и в других, А. Б. ориентируется на широкий круг читателей, которые противопоставляются «малому числу избранных». По сути дела, он солидаризуется с мнением Белинского, основанном на анализе произведений Гоголя, что поэзия оттесняется прозой, которая более в духе времени.

А. Б. хвалит «Библиотеку. . .» за аккуратность выхода, за разнообразие статей, за свежие европейские новости, за отчет о «литературной всячине», т.е. опять же за ориентацию на широкий круг читателей и его потребности. Здесь содержится упрек в том, «что многие литераторы, уважаемые и любимые нами, отказались от соучастия

в журнале г. Смирдина...», как бы метящий в Пушкина (1. 12. 97). Цель его, вероятно, — придать большую реальность облику А. Б., отграничить его от личности издателя «Современника».

Наконец А. Б. упрекает автора статьи «О движении журнальной литературы» за то, что он не упоминает о Белинском: «Жалею, что вы, говоря о "Телескопе", не упомянули о г. Белинском. Он обличает талант, подающий большую надежду. Если бы с независимостью мнений и с остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности, — словом, более зрелости, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного» (1. 12. 97; 3. 3. 327—28). К процитированным словам исследователи обращались многократно, как к свидетельству прозорливости Пушкина, высокой оценки им творчества молодого Белинского.

Упомянув с похвалой о Белинском, А. Б. делает ряд оговорок, но тем не менее отзывается об его деятельности весьма положительно. Не исключено, что оговорки, важные по сути, отражающие мнение Пушкина, в какой-то степени имеют и тактический смысл, должны успокоить кого-то (может быть, и из сотрудников «Современника»), недовольного похвалами Белинскому.

Следует отметить, что в черновике гоголевской статьи тоже говорилось о Белинском: «В критиках Белинского, помещавшихся в Телескопе, виден вкус, хотя еще не образовавшийся, молодой и опрометчивый, но служащий порукою за будущее развитие, потому что основан на чувстве и душевном убеждении. При всем этом в них много есть в духе прежней семейственной критики, что вовсе неуместно и неприлично, а тем более для публики» (4. 533).

В окончательном варианте похвала Белинскому снята. Мы не будем делать предположений о возможных причинах ее исчезновения. Нас интересует Пушкин. Он, видимо, был хорошо знаком с деятельностью Белинского. Оценка его — не пустые слова. Она основана на знании материалов, публиковавшихся в «Телескопе», который Пушкин читал. В 1836 г. Надеждин посылает Пушкину билет на получение «Телескопа». Пушкин благодарит и обещает высылать Надеждину «Современник» (1. 16. 104). В мае, в Москве, Пушкин, видимо, интересуется Белин-

ским и как предполагаемым влиятельным рецензентом, и как возможным сотрудником. Уже в 1826 г., думая об издании журнала, Пушкин понимает значение для его успеха ведущего критика, считает, что на эту роль подходил бы Катенин (1. 13. 279). Естественно, что в 1836 г., когда речь шла о подборе сотрудников «Современника», имя Белинского всплывало в памяти. О нем, как и о Наблюдателях, говорилось в беседах с Нащокиным. Пушкин не встретился с критиком, видимо, опасаясь обострения отношений с Наблюдателями, но он говорил Нащокину о своем намерении пригласить Белинского в «Современник». По словам Нащокина, «критику стало известно о намерении Пушкина». Кольцов вспоминал, что в 1836 г., в Москве, Пушкин «прочел с большой охотой» статью Белинского, которую ему показал Чаадаев (8. 176, 178, 220). Таким образом, у последнего говорилось о критике «Телескопа».

В конце мая, вернувшись в Петербург, Пушкин посылает Белинскому, тайком, через Нащокина, экземпляр «Современника» и просит передать сожаление о несостоявшейся встрече (1. 16. 121). К этому времени, в результате впечатлений, полученных в Москве, Пушкин, вернее всего, перестал надеяться на сотрудничество Наблюдателей, что могло оживить желание поддерживать контакты с Белинским.

В первой половине ноября, когда «Телескоп» был запрещен и Белинский остался без работы, Нащокин советует Пушкину пригласить его в «Современник», сообщая, со слов друзей Белинского, в частности, Щепкина, что тот примет предложение: «он будет очень счастлив на тебя работать». Письмо попало к Пушкину «в самый разгар ноябрьской дуэльной истории» и осталось без ответа (8. 399).

Следует помнить при этом, что Белинский, начиная с «Литературных мечтаний», весьма сдержанно, чтобы не сказать отрицательно, оценивал творчество Пушкина последних лет: «Теперь мы не узнаем Пушкина: он умер или, может быть, только обмер на время»; «мы должны оплакивать горькую, невозвратимую потерю» (5. 1. 73). Приведенная мысль о закате пушкинского творчества неоднократно повторяется и в других статьях (5. 1. 139, 2. 75, 82. . .).

Особо следует остановиться на откликах Белинского на два тома «Современника». К первому из них критик отнесся еще относительно доброжелательно. В ре-

цензии «Несколько слов о "Современнике"» он возлагает на журнал определенные надежды, хотя считает, что тот не будет иметь успеха. Наибольшие похвалы высказаны Белинским по поводу статьи «О движении журнальной литературы», в которой отразились «дух и направление нового журнала» (5.2.180). Белинский с симпатией цитирует начало статьи и на основании его делает вывод, что редакция «Современника» «имеет настоящий взгляд на журнал» (5. 2. 180). В конце статьи высказывается пожелание, чтобы осуществились надежды, которые рождает имя издателя «и резкая определенность его мнений о деятельности своих собратий по ремеслу» (5. 2. 184). Последние слова подкрепляют предположение, что Белинский считал Пушкина автором статьи «О движении журнальной литературы».

Однако уже здесь Белинский резко отзывается о Вяземском: «Что же касается до кн. Вяземского, то избавь нас Боже от его критик так же, как и от его стихов. . . » (5. 2. 183. Многоочия текста). Остановившись на отзывах «Современника» о «Московском наблюдателе», Белинский находит, что они похожи на мнения «Телескопа», «только немного посписходительнее» (5. 2. 181). Он упрекает автора статьи «О движении журнальной литературы» в противоречивости: тот говорит о безжизненности, отсутствии общего мнения «Наблюдателя», но и восхищается «перлами поэзии», там напечатанными, восторгается критическими статьями Шевырева; вообще «Современник», при всей своей откровенности, «обнаруживает какую-то симпатию к "Наблюдателю"» (5. 2. 181). Белинский такую симпатию явно не одобряет.

Несколько позднее, в статье «Метеорологические наблюдения над современною русскою литературою», Белинский уже прямо сопоставляет «Современник» с «Московским наблюдателем», говоря о двух «светских» журналах, московском и петербургском, хотя и не называет их. Видно, что здесь критик относится более строго к статье «О движении журнальной литературы», не думает, что автор ее Пушкин, да и вообще отделяет от него журнал, издающийся «под щитом знаменитого и громкого, но совершенно невинного в этом издании имени» (5. 2. 205).

Незадолго до запрещения «Телескопа» в «Молве» напечатано заявление «От Белинского». Отвечая на нападки различных журналов, критик упоминает и «Современник», вновь не называя его: «В "светских" журналах стре-

ляют в меня намеками, разбором моих фраз, выносками» (5. 2. 230). Имеется в виду сноска в статье Вяземского, опубликованной во втором томе «Современника» (3. 2. 290).

В том же номере «Молвы» помещена рецензия «Вторая книжка "Современника"» — резкое осуждение пушкинского журнала. Белинский считает, что во второй книжке «участия Пушкина нет никакого»; «она показала явно, что "Современник" есть журнал "светский", что это петербургский "Наблюдатель"» (5. 2. 234). Любопытно то, что Белинский вновь отграничивает журнал от Пушкина, а последний как бы отчасти соглашается с упреком критика. Одну из редакционных заметок, напечатанных в третьем томе «Современника», он начинает словами: «Обстоятельства не позволили издателю лично заняться печатанием первых двух номеров своего журнала» (1. 12. 184).

Особенно непримиримо Белинский отзывается о трех статьях, подписанных буквой В (т.е. Вяземского). Именно оценка их, в первую очередь, статьи о «Ревизоре», составляет главное содержание и пафос рецензии Белинского. По его словам, статьи В «самые "светские"», «должны совершенно уронить "Современник"»; в них ощущается «самая глубокая симпатия к московскому "светскому" журналу (т.е. к "Наблюдателю". — П. Р.) и беспредельное уважение к его критике» (5. 2. 237). С насмешкой говорится о восхищении Вяземского «высшим обществом», о пренебрежительном отношении к людям, не принадлежащим к «свету»; вновь намекается на его нападки, направленные против Белинского. Барсуков, рассказывая про статью Вяземского о «Ревизоре», сообщает, что она привела Белинского в негодование (10. 375). Белинский воспринял ее несколько односторонне и повышенно эмоционально, но для такого восприятия, думается, были основания. Не останавливаясь на статье Вяземского, отметим, что в ней на самом деле имелись и восхваления «Наблюдателя», и панегирики «свету», и выпады в адрес «Телескопа» (3. 2. 289, 290, 296, 297). Для нас сейчас важно другое. Рецензия на «Современник» не заставила Пушкина воздержаться от положительного отзыва о Белинском.

Не вызывали его возмущения и многочисленные резко отрицательные оценки материалов «Наблюдателя». Более того, похвала Пушкина Белинскому основывалась на таких оценках (они ведь являлись программными, наиболее характерными для «Телескопа» 1836 г.). Они формировали представления Пушкина о Белинском. Пушкин

разделял, нередко повторял многие из них. Размышления Пушкина и Белинского о качествах, необходимых для журнала, в чем-то совпадали. Как раз в то время, когда Белинский резко осудил второй том «Современника», Пушкин предпринимает ряд действий, которые должны были преобразовать его журнал именно в духе требований критика. Он покупает большое количество иностранных книг, в том числе романов, думает о необходимости популярных научных статей, доступных пониманию читателей (8. 108, 115, 116, 120, 149, 217, 226, 240, 243, 255, 315. . .).

В этом же русле следует рассматривать и ориентацию Пушкина на занимательное, популярное чтение. Исследователи неоднократно указывали, что последний год жизни Пушкина — год тяжелых переживаний, мрачных раздумий. Это верно. Но 1836 г., время издания «Современника», является и годом искрометной игры, мистификаций, веселой, а иногда и не совсем безобидной иронии, смакования острых ситуаций, создаваемых нередко самим поэтом. Отметим лишь то, что непосредственно касается нашей темы.

Игра начинается с публикации послания к Лукуллу, где под маской подражания античности скрывается современнейшая сатира на Уварова, напечатанная в самом проуваровском журнале. Затем идет история со статьей Гоголя «О движении журнальной литературы», поданной так, что многие современники, в том числе Белинский, приняли ее за пушкинскую. Далее отклик на «Историю поэзии» Шевырева, не опубликованный, но предназначавшийся для «Современника», где под видом похвалы содержалась едкая ирония. Потом «Письмо к издателю», где подлинный Пушкин, замаскированный под тверского обывателя А. Б., полемизирует с мнимым Пушкиным, автором статьи «О движении журнальной литературы». Мистификацией является и пушкинская статья «Последний из свойственников Иоанны д'Арк», опубликованная в «Современнике» уже после смерти ее автора (2. 7. 715; 12. 57; 14; 8. 483 — 484).

В той же цепочке игры важное место занимают три произведения, напечатанные в трех томах «Современника», следующих друг за другом (2, 3, 4). Первое из них — «Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным» (без подписи). Они оформлены так, что можно было заподозрить мистификацию, приписать авторство самому Пушкину. И вновь, как и в случае со статьей Гоголя, Белинский

попался на крючок. В рецензии на второй том «Современника», резко отрицательной, он хвалит «Записки...», добавляя при этом: «Если это мистификация, то, признаемся, очень мастерская; если если подлинны записки, то занимательные и увлекательные до невероятности» (5. 2. 236). Предполагая, что автор Пушкин, Белинский высказывает сомнение, что таким языком могли писать в 1812 г., когда якобы создавались «Записки...».

Другое произведение того же ряда — «Отрывок из неизданных записок дамы» (пушкинский «Рославлев», опубликованный также без подписи). Здесь вновь мистификация, но иного рода: свое произведение Пушкин выдает за чужое. Как и в случае с произведением Дуровой, речь идет об Отечественной войне, повествование ведется от лица женщины, выдержано в форме записок.

Наконец, в четвертом томе печатается «Капитанская дочка», вновь в форме записок на историческую тему, за подписью *Издатель* (непонятно, издатель чего, «Современника» или «Капитанской дочки»), причем Пушкин тщательно скрывает свое авторство, просит цензора не упоминать о нем, а объявить, что рукопись доставлена через Плетнева (1. 16. 178). Не мудрено было запутаться во всем этом, на что и рассчитывает Пушкин. Заметим, что все три произведения связаны с наполеоновским мифом (1836 г. — Бородинская годовщина), что мотив самозванца является в русской традиции некоторым инвариантом мотива Наполеона (13. 000). Эти же три произведения отражают ориентацию Пушкина на публикацию в журнале занимательного, увлекательного чтения, интересного для широкого круга читателей и в то же время высокохудожественного, не опускающегося до уровня низкопробных романов.

И в письме А. Б., и в объявлении об издании «Современника» в 1837 г. (обе заметки напечатаны в 3-м томе) Пушкин настаивал: «Современник» нигде не формулировал своей программы. Связывая направление журнала с традициями «Литературной газеты», он напоминал: «Современник» — «литературный журнал», эти слова «заключают в себе достаточное объяснение» (1. 12. 183). По сути же дела речь шла о следующем: программа «Современника» не ограничена ни тем, что сказал Гоголь, ни тем, о чем писала «Библиотека...» (якобы пушкинский журнал создан специально для борьбы с нею), ни тем, наконец, что утверждал Белинский в рецензии на вторую

книгу «Современника» на основании статьи Вяземского о «Ревизоре». Принципы, которыми Пушкин собирался руководствоваться при издании, отразились в последних томах «Современника». А в «Письме к издателю» эти принципы обосновывались теоретически, намечая путь, которым намерен был идти редактор.

В целом же анализируемые нами пушкинские статьи весьма важны для выяснения направления «Современника». В статье Гоголя «О движении журнальной литературы» оно противопоставлено реакционному «журнальному триумvirату». В «Письме к издателю», в рецензиях на «Историю поэзии», на «Мнение...» Лобанова, в редакционных заметках оно отграничивается от замкнутой салонно-дворянской, светской сословности, от «официальной народности», свидетельствует о пушкинской ориентации на широкий, в конечном итоге, демократический круг читателей, на новые ценности, принимаемые далеко не всеми сотрудниками «Современника», давними знакомыми поэта. И это во многом перекликалось с Белинским, с «Телескопом».

Для полноты картины следует помнить, что в 3-м томе «Современника» (С. 152–157) напечатана «Родословная моего героя», тоже программная, дополняющая представления о сложной, многоплановой, чуждой всякой одно-сторонности позиции Пушкина.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Пушкин. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1937–1959.
- 2 Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Изд. 3. М., 1962–1965.
- 3 Современник. 1836. Т. 1–4.
- 4 Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 8. М., 1952.
- 5 Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.; Л., 1953–1959.
- 6 Шевырев С. <П.> История поэзии. М., 1836.
- 7 Сенковский <П. С.> Арабески. Разные сочинения г. Гоголя. //Библиотека для чтения. 1835. Т. IX. Литературная летопись.
- 8 Абрамович С.<Л.> Пушкин. Последний год. Хроника. М., 1991.
- 9 Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. Изд. 2-е. Л., 1989.
- 10 Барсуков Н.<П.> Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891.

- 11 Гиллельсон М. И. Пушкинский «Современник» // Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. М., 1987.
- 12 Егоров Б. Ф. О жанрах литературно-критических статей Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1978.
- 13 Лейбов Р. <Г.> 1812: две метафоры. См. настоящее изд.
- 14 Фомичев С. А. Последнее произведение Пушкина // Русская литература. 1987. N 3.
- 15 Эттинг Е. Г. Незамеченная книга Пушкина // Revue des études slaves. T. 59. Fas. 1-2. Paris, 1987.